

Алмазная пыль — атмосферное явление: твердые осадки в виде мельчайших ледяных кристаллов, парящих в воздухе. Образуются в морозную погоду при ясном небе, поэтому ее иногда называют также «осадками ясного неба».

Википедия

Самой страшной казнью на Востоке была чашка кофе с алмазной пылью. Считалось, что это даже делало кофе особенно вкусным. В течение дня почти невесомые алмазы наносили тысячи мельчайших порезов на стенки кишечника и пищевода несчастной жертвы. Через неделю обреченный умирал от внутреннего кровотечения и перитонита.

Восточная легенда

Глава 1

ДОРОТЕЯ

Я сразу поняла, что эта кукла особенная. Дело даже не в том, что у нее настоящие человеческие волосы: в XIX веке часто делали прически кукол именно из волос живых людей, и в моей коллекции уже была одна такая. Но эта совершенно на нее не похожа. Наверное, глаза ее меня заворожили: огромные, стеклянные, густо-синего цвета, с тончайшими золотыми прожилками на радужке. Они были отлиты с таким поразительным мастерством, что создавалось впечатление, будто кукла смотрела на меня все то время, пока мы с продавцом сговаривались о цене.

Продавец, кстати, мне не понравился. Мы встретились в магдачной на Лиговке, и он с аппетитом уплетал

бургер, когда я вошла, а после едва промокнул руки салфеткой, прежде чем подать мне куклу девятнадцатого (!!!) века в оригинальном, как он утверждал, аутфите!¹ Назвался Яковом, и то как-то неуверенно. Имя наверняка выдумал. А уж когда озвучил цену, совершенно мизерную для оригинала, я поняла: мошенник. И кукла его — новодел «под старину».

Но потом я взяла на руки увесистое тряпичное тельце и увидела, как склонилась набок фарфоровая головка — будто живая. И только теперь отметила, что волосы ее почти такого же сумасшедшего медного оттенка, как мои собственные. Эта кукла должна быть моей. Черт с ним, что поддельная, за такую цену переживу.

А Яков этот вообще странный тип: ему будто было наплевать и на куклу, и на сделку, и даже на эсэмэску об оплате, что упала ему на телефон. Жрал свой бургер и нахваливал, как с голодного края сбежал.

Жаль, что это меня не насторожило.

— Марго! — крикнул он вдогонку, когда я, бережно держа куклу, уже вышла на парковку. — Вы не удаляйте пока мой номер. Может, пригодится еще.

— Сдался ты мне сто лет... — буркнула я под нос и даже головы не повернула.

Домой я вернулась к ночи, а весь день моталась по рабочим делам: куклы — это хобби, на которое я трачу все свободные деньги, а на хлеб вообще-то зарабатываю веб-дизайном.

Что касается моей жизни, то вышла она самой обыкновенной, даже внимания заострить не на чем. Родилась двадцать семь лет назад в Магнитогорске, городок такой

---

¹ От *англ.* outfit — снаряжение, экипировка; обобщающее название наряда, туалета, ансамбля одежды и аксессуаров, в данном случае кукольного. (Здесь и далее прим. авт.)

есть на Урале; была старшей из трех сестер и, сколько себя помню, нянчилась с малышкой. С тех пор бегу подальше, едва заслышав детский плач. Привычка. Единственной отдушиной тогда было шитье на кукол — тех самых подделок под «Барби» с дутым телом и волосами-мочалкой, все девчонки девяностых с такими играли. А я не столько играла, сколько рисовала наряды, а после по этим эскизам обшивала своих кукол с головы до ног: мечтала стать модельером, как вырасту. Родители в этом углядели великий талант к рисованию и отдали меня в художественную школу.

В семнадцать, едва получив аттестат, я сбежала из своего Магнитогорска, на бюджет поступила в Санкт-Петербургский вуз. Модельером я, конечно, не стала, но отчасти моя профессия и правда связана с искусством. Мой последний проект — рекламу стеклопакетов — заказчик назвал офигительным. Это успех. Определенно.

В двадцать три я ненадолго сходила замуж, а сейчас свободна и независима, и вместо сорока кошек у меня сорок кукол. Ну хорошо, не сорок. Семьдесят две ровно. Большая часть из них — это коллекционные Барби, Монстер Хай и кастомные Блайз, с десятков гэдээровских красавиц тридцатых — шестидесятых годов, разномастные авторские куколки и несколько особенно редких экземпляров рубежа XIX–XX веков. У каждой из них есть имя, история, место на полке в застекленных шкафах из «Икеи» и как минимум четыре сменных аутфита, сшитых мной собственноручно.

Доротея стала семьдесят третьей.

Телефон Якова я удалила тем же вечером, пока додела заказанные на дом роллы; тогда же созвонилась со своим старым проверенным оценщиком, чтобы наверняка выяснить происхождение новой куклы. Договорились на понедельник, а пока что, помыв посуду и по-

чистив зубы, я пристроила Доротею в кресле напротив кровати — а найти для нее место в шкафу решила завтра, после того, как при дневном свете изучу все плюсы и минусы своего приобретения.

Не тут-то было.

Я проснулась оттого, что с меня стаскивали одеяло. За окном заканчивался октябрь, и не могу сказать, что в комнате было особенно жарко. Потому замерзла я быстро и с неудовольствием поежилась. Пошарила рукой и нашла край одеяла уже в ногах. Дернула — и сразу поняла, что оно за что-то зацепилось. Дернула второй раз — и услышала грохот, от которого сон улетучился мгновенно, а сама я тотчас оказалась на ногах, минуя все прочие стадии.

На часах светились в ночи красные цифры: «03:11».

Даже в темноте я разглядела, что тонкое пестрое одеяло как-то странно намотано на ручку новой куклы... Которая вовсе уже не сидела в кресле, а, упав навзничь, валялась на полу возле моей кровати.

— Чертовщина... — пробормотала я.

А потом сама себя уговорила, что кукла просто упала. Наверное, усадила я ее неустойчиво — вот она и свалилась, да еще и одеяло мое зацепила при этом. Да. Не спрыгнула же она с кресла и не подошла ко мне сама на своих маленьких кукольных ножках?..

Полминуты я себя в этом убеждала — и наконец убедилась. Сделала робкий шаг. Медленно-медленно, готовая ко всему на свете, подняла Доротею с пола. Ничего не произошло. Синие с золотыми искрами глаза невозмутимо смотрели поверх моего плеча. Кукла как кукла. Я осторожно пригладила ее растрепавшиеся рыжие кудри и цокнула языком, отругав сама себя. Головка ведь фарфоровая: запросто могла разбиться! И это стало последней моей здоровой мыслью, потому что в следую-

щий миг Доротея скосила свои стеклянные глаза на мое лицо. И тут же вернула их на место.

Самое забавное — я тогда даже не шелохнулась. Тупо смотрела на фарфоровое личико и гадала, сделает ли она глазами так еще раз? Сделала. А потом приоткрыла карминово-красные губки, будто хотела что-то сказать. Только я не услышала.

Дико вскрикнув — так, что, наверное, меня услышала мама в Магнитогорске, — я отбросила куклу в сторону. Опять, минуя промежуточные стадии, оказалась с ногами на кровати. Как щитом отгородилась своим пестрым одеялом и первым делом потянулась к мобильнику. Кого вызывать? Полицию? «Скорую»? Или сразу психушку? Так и не решив, я попятилась. Хорошо помнила, что входная дверь из съемной квартиры-студии за моей спиной — каких-то десять шагов. Лишь бы дьявольское создание не бросилось на меня прежде.

А она могла... я собственными глазами видела, как кукла перегнулась пополам своим тряпичным тельцем и села на ворсистом ковре. Медленно, будто через силу, так, что в тишине я слышала хруст фарфора, повернула голову. Снова разомкнула карминовые губки.

— Маргарита... — позвала она тоненьким, обманчиво-детским голоском. — Ты должна отнести меня к девочке, Маргарита. И не вздумай больше орать, как дура. Маргарита!

Нарисованные брови хмурились: кукла была мной недовольна.

Наверное, у меня больше не осталось сил, только поэтому я не заорала снова. Лишь швырнула в нее пестрое одеяло, а мобильник, увесистый айфон в корпусе с алюминиевой рамкой, решила оставить, чтоб было чем отбиваться в самом крайнем случае. И в какой-то момент даже подумала, что он не наступит, этот крайний слу-

чай — лопатки мои прижались к двери. И я, не медля больше ни секунды, повернула ручку да бочком-бочком выбралась вон..

Захлопнула дверь за собой и снова попятилась, пока не присосла спиной к новой стенке, и только здесь наконец перевела дух.

Что это было? Я запоздало ущипнула себя за руку и лишний раз убедилась, что не сплю. И еще я успела пожалеть, что хотя бы джинсы не догадалась захватить или тапочки: холодно. Да и глупо стоять на лестничной площадке босиком, в пижамных шортах да майке-тельняшке. Разумеется, как только я это обнаружила — услышала чужие шаги. А через миг на меня едва не налетела незнакомая тетка. Не соседка. Ну точно не соседка — одета она была черт-те во что: в темно-коричневое глухое платье и нелепый белый фартук с кружевами. А в руках держала подсвечник, самый настоящий, бронзовый, что ли... Что самое забавное, смотрела она на меня так, будто это я сбежала с костюмированной вечеринки, а не она. А потом девица задала вопрос, на который я в самом деле не нашлась что ответить:

— Ты откуда взялась?

«Это ты откуда взялась?!» — собиралась уж парировать я — но отвлеклась.

Только сейчас я осознала, что помещение это не очень-то похоже на лестничную клетку в нашем доме. Вместо оштукатуренных стен с накорябанной надписью: «Анжела — дура» — обои в безвкусный цветочек. Вместо яркого электрического освещения — глухая тьма, которую лишь слегка разбавлял свет от восковой свечи в руках женщины.

На месте же стальной двери моей съемной студии теперь была ярко-белая солидная деревянная дверь с зо-

лоченой резьбой и шарообразной ручкой. «КГ» — было выгравировано на той ручке. Я ни о чем не думала тогда, просто повернула ее и толкнула дверь внутрь.

Это оказалась уже не родная квартира-студия. Это было место, которое я никогда прежде не видела. Здесь даже пахло иначе. И первое, что я сумела выхватить взглядом, — дьявольская Доротея, как ни в чем не бывало сидящая на узкой, гладко заправленной кровати. Она улыбалась и, чуть наклонив фарфоровую головку, требовательно смотрела мне в глаза.

Все-таки нужно было вызывать психушку. Или еще не поздно? Айфон я по-прежнему крепко прижимала к груди обеими руками.

— Так это же барышнина кукла! — воскликнула за спиной тетка в фартуке. Вбежала внутрь и неделикатно сунула Доротею себе под мышку. — Так вы гувернантка, что ли, новая?! Так и сказали б сразу — а мы куклу эту уж ищем-ищем по всему дому... Идемте! Да накиньте на себя что-нить, а то стыдоба.

— Чего?.. — только и сумела переспросить я.

А женщина всплеснула руками. Принялась ворчать себе под нос и, покрутившись в темноте, нашла какой-то балахон снова в дурацкий цветочек — еще более нелепый наряд, чем ее фартук. Но сил сопротивляться у меня не было, и она через голову накинула это одеяние на меня.

— Чего... — передразнила женщина. — Рубашку, говорю, хоть накиньте. Вы русская, что ль?

Да я-то русская. А вот она говорила странно, как будто с акцентом. Но слышала я ее словно через слой ваты. И все пыталась решить, что мне делать. Позвонить в полицию? Бежать подальше из этого дурдома? Или все-таки подождать, когда все прояснится хоть чуть-чуть? Еще теплилась у меня надежда, что это все-таки сон.

Ну или чей-то дурацкий розыгрыш: мой бывший муж как раз отличался чувством юмора, не имеющим никаких границ. Лишь поэтому я и позволила провести себя через темный ночной коридор к некой барышне.

А барышней оказалась самая настоящая девчонка лет девяти. Худенькая, с огромными голубыми глазищами и копной светлых подвитых волос. Она сжалась в комок на огромной кровати с тюлевым балдахином, обняла себя за колени и, озираясь, хныкала:

— Пусть уйдут... скажите им, пусть уйдут...

Она говорила это не нам.

Девочка, как затравленный зверек, смотрела в пустые углы своей спальни и велела «им» уйти. Это совсем не было похоже на игру или розыгрыш. Это было похоже на что-то, от чего у меня по позвоночнику пробежал вихрь мурашек, а женщина в фартуке, неловко мявшаяся у порога, начала вдруг размашисто креститься.

— Я пойду, мне там надо... а вы уж сами управитесь... — проблеяла она и неловко сунула куклу мне в руки, прежде чем сбежать.

— Доротея! — Тут же воскликнула девчонка и так неподдельно обрадовалась, что мне ничего не оставалось, как отдать ей эту куклу. — Доротея, милая моя, как же я рада, что ты нашлась!

Хотя бы про «них» она как будто забыла.

Я с надеждой оглянулась на дверь, но женщины в фартуке уже и след простыл.

Девочка обнимала мою куклу крепко, жалась к ней, как к единственной защите, а плечи ее мелко дрожали. Она обнимала ее и продолжала плакать. Как-то совершенно не по-детски плакать. Я всегда только морщилась при виде капризничающих детей и торопилась уйти подальше, а тут... это ведь не просто капризы. Не какая-то некупленная игрушка и не запрет на сладости. Что же

за горе такое случилось у этой розовощекой красивой девочки, одетой в шелк и кружева?

— Не плачь, — неловко попросила я и села к ней на кровать. — Ну хочешь, я оставлю Доротею тебе? Хочешь?

Девочка еще раз всхлипнула и впервые подняла заплаканное личико на меня. Глаза у нее были такие же, как и слезы, — недетские. Вместо ответа она мелко закивала, а вслух громким шепотом произнесла:

— Они здесь. Они смотрят на меня. Прогоните их... пожалуйста, прогоните...

И, ахнув, подняла глаза точно поверх моей головы.

— Они... здесь? — слотнув, переспросила я. — За моей спиной?

Она медленно кивнула, не опуская взгляда.

Моей спины тогда и правда коснулось что-то холодное — я не видела, но готова была в этом поклясться. А волосы у висков шелохнулись от ледяного дыхания...

Не знаю, где я набралась смелости, но все-таки обернулась.

Никого.

Прошлась взглядом по ночным стенам, затянутым розовым переливчатым шелком. Ощупала глазами огромное золоченое бра на стене с пятью торчащими из него свечами. Нет, все-таки не свечами — светильниками, стилизованными под свечи. Хотя где-то в конце XIX века, если мне не изменяет память, как раз уже начали пользоваться светильниками — газовыми, а может, и электрическими, не помню.

Было здесь много всего, но одного не было точно. Никаких загадочных «их», которые якобы дышали мне в затылок. Даже в самых темных углах пусто.

— Здесь нет никого, — с сомнением сказала я тогда.

А девочка по-взрослому упрямо качнула головой:

— Они здесь. И они смотрят.

— И пускай смотрят, — вдруг нашлась я. — Тронуть тебя они все равно не посмеют. А если и посмеют, то я их прогоню.

Она снова качнула головой:

— Ты не сможешь. Никто не сможет. Даже когда батюшка Гавриил приходил, то они ушли лишь ненадолго, а потом вернулись.

— Я сказала смогу — значит, смогу!

Вообще-то у меня кровь стыла от таких разговоров, но я изо всех сил старалась, чтобы голос не дрожал.

Чтобы девочка поверила, я даже поближе подтащила кресло, оказавшееся невероятно удобным, и забралась в него с ногами в полной готовности защищаться от неведомых «них». Я смирилась. Решила, что дождусь, пока девчонка уснет, найду кого-нибудь и выясню, что за чертовщина здесь творится.

Не вышло. Кресло было слишком удобным: не знаю, как девочка, но я пригrelась и уснула очень быстро.

А проснулась оттого, что утреннее солнце загородила от меня чья-то фигура. Я поморщилась во сне. Фигура угрожающе кашлянула, и пришлось открыть глаза. Нет, все-таки это был не сон. А если розыгрыш, то он уже порядком затянулся и начал меня утомлять.

— Новая гувернантка, я полагаю? — спросила фигура низким женским голосом. — Кто вас нанял? Господин фон Гирс?

Дальше я уже не слышала.

— Хватит! — рявкнула я, поднявшись во весь рост. — Это вас кто нанял? Прекратите этот цирк! Хоть бы ребенка постыдились втягивать!

Женщина была примерно моих лет: высокая фигуристая шатенка с гладко зачесанными волосами и в черном строгом платье, отлично, надо сказать, стилизован-

ном под начало XX века. Пожалуй, это даже настоящий шелк. Да и актрисой она оказалась отменной, профессионалка, наверное. И все же, после того как я приперла ее к стенке, продолжать было бессмысленно, и с полминуты женщина не знала, что и сказать. Глупо хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Вот-вот она должна была сдаться — жалко улыбнуться и сказать: «Сюрприз!» Ну или что-то в этом роде.

Только она этого не сделала.

Лицо незнакомки вдруг исказилось злобной гримасой, а по щекам пошли красные пятна. Она сжала кулачки и аж затряслась, перед тем как рывкнуть так, что ее голос эхом вознесся к расписному потолку:

— Вон! Немедленно убирайтесь вон!

— Дурдом какой-то... — прокомментировала я.

С жалостью поглядела на свою куклу, которую прижимала к себе давно проснувшаяся девочка. Но не отбирать же у ребенка? Я отчаянно махнула рукой и, как была, босиком и в дурацкой ночной рубашке, больше похожей на парашют, бросилась к дверям.

Была я тогда уже в нешуточной панике: блестящий отполированный паркет, мрамор как во дворце, колонны, изящная музейная мебель, какой можно лишь любоваться, но не пользоваться. Я озиралась, придерживала свою рубашку, чтобы не споткнуться, и все бежала из комнаты в комнату, не зная, есть ли выход из этого ада...

А потом увидела лестницу. Огромную, с двумя поворотами, тоже мраморную, покрытую пушистым ковром. Внизу — просторный вестибюль со сводчатыми, украшенными росписью и лепниной потолками. Здесь я порядком растерялась, поскольку укрытая ковром дорожка расходилась аж на три стороны. Бросилась было туда, где по логике вещей должен быть выход, но дорогу

мне перегородил седенький благообразный господин в черном костюме-тройке. Я шарахнулась от него как от чумного и свернула в левый проход. Толкнула ближайшую дверь — заперто. Просочилась меж кадками с зелеными пальмами и — о слава всем богам — увидела стеклянную дверь, выводящую наконец наружу.

Я вышла и оказалась в осеннем, пестрящем золотом и багрянцем парке...

Парков-то в Питере сотня — но такого я еще не видела. Ни собачников, ни студентов, ни окурков, ни семечковой шелухи под ногами. Только голуби прогуливались по мощенным коричневым камнем дорожкам да — ох ты ж, ёперный театр — павлин. Настоящий павлин с огромным павлиньим хвостом шел мне навстречу и укоризненным взглядом требовал уступить дорогу. Я уступила и еще долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся в зеленеющей оранжерее. Потом я закрыла рот и кое-как добралась до фонтанчика — брызнула себе на лицо холодной водой. И почти не удивилась уже, увидав, что все три чаши фонтана, из которых одна в другую перетекала водопадом вода, инкрустированы голубыми и розовыми камнями. Хотя композиция из камней (надеюсь, это просто хрусталь), что была на верхушке фонтана, меня все же заставила полюбопытствовать. Несколько крупных ярко-розовых кристаллов, сверкающих на солнце, были собраны в цветок наподобие розы и обрамлены тончайшими металлическими с перламутровым отливом листиками. Более того, когда я коснулась металлических листьев, оказалось, что они свободно, с тихими щелчками вращаются вокруг «розы» и пускают в воду фонтана изумрудно-зеленые отсветы.

Я снова попятилась, еще пытаясь восстановить дыхание после бега.

Одна радость, все когда-нибудь кончается: вот и парковая дорожка уперлась в кованые ворота с уже знакомым вензелем «KG», а за ними... Господи, я никогда не думала, что так обрадуюсь серым обшарпанным стенам питерских домов и шумной, пропахшей бензином улице. Кажется, я даже прослезилась. Бегом преодолела оставшиеся десять метров, выбралась за калитку на улицу и... от ужаса чуть не села наземь.

Мимо пронесся, едва не задев меня, старинный музейный автомобиль.

А ему наперерез — коляска, запряженная самой настоящей лошастью.

А потом меня облаяла собачонка, которую выгуливала старушенция, одетая еще причудливей, чем нагрубившая мне дамочка. Дурдом продолжался.

Я по дуге обошла собачонку. Хотела было обернуться на ужасно раздражающий длинный гудок за своей спиной, но тут меня с огромной силой что-то толкнуло в бок, и я полетела на мостовую.

Попасть в прошлое, чтобы через пару часов помереть там под колесами автомобиля. Это, пожалуй, могло приключиться лишь с такой неудачницей, как я.

Глава 2

БРАТ И СЕСТРА

— Она умрет? Умрет? Гришечка, пожалуйста, скажи, что она не умрет! Ох, господи, я этого не вынесу...

— Она не умрет.

Вслед за слухом проснулось мое обоняние, и от резкого запаха прямо под носом (видимо, нашатырь) я тотчас открыла глаза. Голова раскалывалась на части,

и я долго не могла сфокусировать зрение на лицах, склоненных ко мне.

Их было двое. Блондинка лет двадцати пяти, хорошенькая, с аккуратным вздернутым носиком и заплаканными небесно-голубыми глазами. Второй — мужчина постарше. На его лице — резком, грубом, с изломанной линией носа и тяжелым небритым подбородком — я не нашла и намека на мягкие, привлекательные черты девушки. И все-таки, пока они горячо спорили над моей головой, прежде всего подумала: брат и сестра.

Слишком светлые, прозрачно-голубые глаза мужчины смотрели на меня хмуро и выжидающе. Что-то мне подсказывало, что заботит его вовсе не мое здоровье. А жаль: красавцем мужчина не был, но что-то заставляло меня возвращаться взглядом к его лицу снова и снова.

— Это вы на меня наехали? — хрипло спросила я у него, больше желая проверить, могу ли еще говорить, чем услышать ответ.

Но он и не ответил, а дамочка-блондинка, всхлипнув еще раз, пискнула:

— Это я... Простите. Ради бога, простите, я уже поклялась Грише, что в жизни больше не сяду за руль авто.

— Ты уже пять раз клялась, Кики, — отмахнулся ее брат.

— Вы переехали пятерых?

— Нет-нет, вы первая! Раньше я сбивала только цветочные вазоны...

Я откашлялась, прогоняя хрипоту, и попыталась сесть, чтобы получше осмотреться в комнате. Увы, мне и удар головой о мостовую не помог: это по-прежнему была не комната, а зала с обитой парчой мебелью и шел-

ковыми стенами. Правда... то ли мне вспомнилась дорога, по которой меня везли в бессознательном состоянии, то ли шестое чувство проснулось, но я вдруг явно почувствовала: это не тот дом, где я была прежде.

— Куда вы меня увезли? — почему-то испугалась я. — Зачем вы меня увезли?!

Брат с сестрой переглянулись, и на этот раз заговорил мужчина:

— Успокойтесь. — Голос у него был под стать лицу — резкий, грубоватый, но неожиданно приятный уху. — Вы у меня дома, и вам ничего не грозит. Позвольте, как я могу к вам обращаться?

— Марго.

— Так вот, Марго, мне показалось, вы не хотели оставаться в особняке фон Гирса, — он подозрительно прищурился. — Вы были босиком и, простите, в ночной рубашке, когда выбежали из ворот. И торопились так, словно за вами черт гонится.

— Ну да... — признала я нехотя.

А мужчина будто этого и ждал — навис надо мной, опершись на спинку софы, и еще пронзительнее вперился в меня взглядом:

— Он силой вас удерживал?! Похитил и не давал уйти? Его здесь нет — мне вы можете сказать правду! Я журналист и помогу вам, если скажете правду!

— К-какую правду?..

— Ох, Гриша, ты совсем запугал бедную девушку! — вступилась блондинка. — И право, какие глупости ты говоришь: будто Георг кого-то похищал. Я даже слушать этого не стану!

— Меня никто не похищал, — вынуждена была признать я.

Ответ мужчине не понравился, и он, резко перестав играть в благородство, гаркнул: